

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ

УДК: 338.24: [338.012 + 332.145]
JEL: L52, L53, E22

**Социально и экологически ответственные инвестиции
в российском промышленном секторе**

А.Г. Назаров, к. полит. н., докторант ИПР РАН
e-mail: andrey.g.nazarov@gmail.com

Для цитирования

Назаров А.Г. Социально и экологически ответственные инвестиции в российском промышленном секторе // Проблемы рыночной экономики. – 2021. – № 4. – С. 83-101.

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-4-83-101>

Аннотация

Предмет/тема. В статье представлено теоретическое и практическое осмысление концепций ESG (ecological, social, government) и SRI (socially responsible investing) относительно специфики и перспектив развития российского промышленного сектора. **Цель статьи** заключается в демонстрации потенциала указанных концепций в практике управления российскими промышленными предприятиями. **Методология.** Методологически статья основана на интеграции статистических, эконометрических и контентных методов исследования по проблеме, связанной с обеспечением динамически устойчивого развития российских промышленных предприятий. **Результаты.** Результаты исследования показали, что несмотря на существенную государственную поддержку, полученную российскими промышленными предприятиями в последние годы, устойчивость их развития нельзя признать безусловной. Очевидным образом прослеживается инерционность, экстенсивность, финансовая неустойчивость и ограниченная рациональность в принятии управленческих решений. Можно выделить две внешние основные причины этой ситуации: институциональная турбулентность и сокращение рыночного пространства для свободной рыночной конкуренции. Для промышленных предприятий, которые входят в государственные или частные корпорации, возможность использования концепций экологически и социально ответственного инвестирования для повышения, в том числе и собственной инвестиционной привлекательности, ограничена. Но высокотехнологичное малое и среднее предпринимательство в российском промышленном секторе может использовать концепции ESG и SRI как для получения инвестиционных ресурсов, так и для повышения собственной инвестиционной привлекательности, а источниками инвестиций здесь будут нетрадиционные для российского рынка платформы (бизнес-ангелы, малые фонды коллективных инвестиций, предпринимательский фандрайзинг и т.п.). **Выводы/значимость.** Разработанные в статье принципы социально и экологически ответственного инвестирования могут быть положены в основу методических разработок, создания показателей, позволяющих одновременно рассчитывать экологическую безопасность, просоциальность и экономическую эффективность различных проектов российских промышленных предприятий.

Ключевые слова: *промышленность, инвестиции, инновации, технологии, экологическая ответственность, социальная ответственность, устойчивость развития, экономический рост, институты, конкуренция.*

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПП РАН, тема НИР «Институциональная трансформация экономической безопасности при решении социально-экономических проблем устойчивого развития национального хозяйства России».

Socially and environmentally responsible investments in the Russian industrial sector

Andrey G. Nazarov, Cand. of Sci. (polyt.),
e-mail: *andrey.g.nazarov@gmail.com*

For citation

Nazarov A.G. Socially and environmentally responsible investments in the Russian industrial sector // Market economy problems. – 2021. – No. 4. – Pp. 83-101 (In Russian).

DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-4-83-101>

Abstract

Subject/topic. The article presents a theoretical and practical understanding of the concepts of ESG (ecological, social, government) and SRI (socially responsible investing) regarding the specifics and prospects for the development of the Russian industrial sector. **The purpose** of the article was to demonstrate the potential of these concepts in the practice of managing Russian industrial enterprises. **Methodology.** Methodologically, the article is based on the integration of statistical, econometric and content research methods on the problem associated with ensuring the dynamically sustainable development of Russian industrial enterprises. **Results.** The results of the study showed that despite the significant government support received by Russian industrial enterprises in recent years, the sustainability of their development cannot be considered unconditional. Inertia, extensiveness, financial instability and limited rationality in managerial decision-making are evidently traced. There are two external main reasons for this situation: institutional turbulence and shrinking market space for free market competition. For industrial enterprises that are part of public or private corporations, the possibility of using the concepts of environmentally and socially responsible investment, to increase, among other things, their own investment attractiveness, is limited. But high-tech small and medium-sized businesses in the Russian industrial sector can use the ESG and SRI concepts both to obtain investment resources and to increase their own investment attractiveness, and the sources of investment here will be platforms that are non-traditional for the Russian market (business angels, small collective investment funds, entrepreneurial fundraising, etc.). **Conclusions/Relevance.** The principles of socially and environmentally responsible investment developed in the article can be used as the basis for methodological developments, the creation of indicators that allow simultaneously calculating environmental safety, pro-sociality and economic efficiency of various projects of Russian industrial enterprises.

Keywords: *industry, investment, innovation, technology, environmental responsibility, social responsibility, sustainable development, economic growth, institutions, competition.*

The article was prepared within the framework of the state task of the MEI RAS, the topic of research «Institutional transformation of economic security in solving socio-economic problems of sustainable development of the national economy of Russia».

Введение

Инвестиции – это один из важнейших и основных источников финансирования динамически устойчивого развития современных организаций и предприятий, в том числе осуществляющих свою деятельность в сфере промышленного производства. Безусловно в XXI веке особое значение приобретает экономическая креативность, в первую очередь представленная в сервисном секторе экономики. Это направление экономической деятельности является наиболее привлекательным с точки зрения инвесторов, в этой отрасли аккумулирован наибольший потенциал развития, который будет стимулировать и рост национальной экономики. Вместе с тем сфера материального производства, а именно – промышленность является ключевой с учетом создания тех благ, которые позволяют формировать корпоративную, предпринимательскую, социально-бытовую, общественную и научную инфраструктуру.

Обрабатывающие производства формируют от 14% до 15% всего объёма валовой добавленной стоимости, создаваемой в российской экономике в последние десять лет (Официальная статистика, 2021). Вместе с добывающим сектором, сектором ресурсообеспечения и с сектором водоснабжения, водоотведения и утилизации отходов российская промышленность формирует около трети национальной валовой добавленной стоимости в основных ценах. Учитывая вклад российской промышленности в экономический рост, в обеспечение занятости населения, а также капиталоемкость промышленного производства следует отметить, что этот вид экономической деятельности нуждается в инвестициях не менее, но даже возможно более, чем сервисные и креативные виды деятельности, поскольку только накопленный физический износ основных фондов обрабатывающих производств составляет почти 52%, а в сфере добычи этот показатель превышает 57% (Официальная статистика, 2021). И здесь не принимается во внимание моральный износ основных фондов промышленных предприятий, который может быть существенно выше физического износа, что негативно влияет на экономическую динамику и конкурентоспособность российской промышленности на внутреннем и внешнем рынках.

По данным статистического ведомства индекс промышленного производства в России не характеризуется стабильно повышательным приростом, а на фоне эпидемии 2020 этот показатель существенно снизился. Однако, несмотря на все трудности и проблемы, которые испытывает российская промышленность, несмотря на отсутствие внешних инвестиций, два профильных российских министерства (Минфин и Минэкономики) заявили о необходимости перехода к социально ответственному инвестированию и использования в управлении предприятиями и компаниями (первую очередь государственными) концепции ESG (Решетников Максим: Минэкономразвития будет привлекать инвестиции в экологию и здоровье граждан в рамках ESG, 2021).

Концепция ESG (ecological, social, government) – это воздействие экологических, социальных и управленческих (корпоративных) аспектов в узком смысле – на стоимость акций публичных компаний, а в широком смысле – на инвестиционную привлекательность любых хозяйствующих субъектов. Концепция ESG может считаться логическим продолжением концепции социально ответственного инвестирования (socially responsible investing – SRI), последняя может рассматриваться как с позиции характеристик деятельности хозяйствующего субъекта, получающего/привлекающего инвестиции (например, это может быть компания, обеспечивающая уход и поддержку людям с ограниченными возможностями здоровья), так и с позиции функционального назначения инвестиций (например, в фонды социального и пенсионного страхования, профильные инвестиционные и паевые фонды). Социально ответственное инвестирование означает отказ от вложения средств в развитие тех хозяйствующих субъектов, которые своей деятельностью наносят вред экологии, обществу за счёт того, что корпоративное управление такими субъектами не разделяет принципов этичности в ведении бизнеса.

За рубежом концепции ESG и SRI уже известны более десяти лет, в России этот методический подход к оценке деятельности хозяйствующих субъектов, их инвестиционной привлекательности только набирает популярность.

Поэтому в данной статье предпринята попытка экспликации зарубежных методических наработок и зарубежного опыта практического применения концепций ESG и SRI на аспекты стратегического управления промышленными предприятиями и на аспекты их инвестиционной привлекательности.

Обзор литературы

Вопросы, связанные с социальной и экологической ответственностью бизнеса перед обществом, стали предметом исследования в зарубежной экономической науке в последней четверти прошлого века – в то же самое время, когда в СССР полностью отказались от достижения высшего идеала и построения коммунистического общества и перешли на новую идеологию развитого социализма. Соответственно, вопросы, связанные с ответственностью бизнеса перед обществом, не представляли интереса для советских учёных, поскольку частная собственность в СССР была запрещена, а любая легальная экономическая деятельность осуществлялась только в государственном секторе, доля которого вполне очевидно составляла 100% в национальной экономике.

Уже в 1976 году Г. Фитч писал о том, что корпоративная социальная ответственность – это серьёзная попытка решить общественные проблемы посредством участия в этом процессе бизнеса и предпринимателей (Fitch, 1976). Несколько позже, в 1983 году, Г. Минцберг утверждал, что в экономике гигантских (межнациональных или транснациональных) корпораций достичь корпоративной социальной ответственности практически невозможно, но руководству необходимо стремиться к этому в целях обеспечения устойчивого развития этих хозяйствующих субъектов, удовлетворения интересов собственников и процветания экономики в целом (Mintzberg, 1983).

Но почему именно в последней четверти прошлого века вопрос первоначально о социальной, а в последствии и экологической ответственности бизнеса стал наиболее актуальным? По нашему мнению, здесь следует учитывать геополитический, экономический и общественный контекст.

С точки зрения геополитики к последней четверти прошлого века все колониальные владения получили самостоятельность. С экономической точки зрения наиболее крупным корпорациям стало выгодно размещать производства в тех странах и государствах, которые либо были отстающими от общемирового тренда развития, либо были бывшими колониями, государственное управление которыми осуществлялось не имеющими эффективного профессионального опыта чиновниками. В результате в таких странах и государствах крупные корпорации стали строить экстрактивные формы ведения деятельности. Вместе с тем в обществах наиболее развитых стран активизировались процессы в области защиты прав человека, в системе которых право на достойный труд, благоприятную окружающую среду, нормальный отдых играют не последнюю роль.

Соответственно, общественное давление на корпорации, которые ещё недавно не считали необходимым принимать на себя повышенные социальные и экологические обязательства, усилилось и это давление было поддержано научными исследованиями. Так, уже к началу 1990-х годов было показано наличие взаимосвязи между социальной ответственностью и финансовой результативностью бизнеса (McGuire, Sundgren and Schneeweis, 1988), но одновременно появилась и критика такого подхода. Но наряду с этим сформировался запрос на корпоративную демократию и этичность ведения бизнеса в контексте теории общественных благ, что и стало ключевой предпосылкой для выработки концепции социально ответственного инвестирования. Также было выявлено, что социально ответственные инвесторы лучше образованы, имеют новаторский бизнес и более молоды, чем в среднем инвесторы на американском рынке (Freeman and Liedtka, 1991; Ravikoff and Curzan, 1980).

Для США, где благотворительность – это такой же развитый некоммерческий сектор экономики, как и коммерческий, социально ответственное инвестирование стало одним из компонентов оценки деловой репутации хозяйствующих субъектов (как инвестирующих, так и получающих инвестиции) и формирования их позитивного имиджа. Социально ответственное инвестирование получило статус рейтинговой оценки. Но не всегда высокий рейтинг SRI той или иной компании означал, что финансовая и экономическая эффективность вложения средств в эту компанию будет точно такой же высокой (Halbritter and Dorfleitner, 2015), несмотря на то, что предполагалось, что глобальные последствия социально ответственного инвестирования будут более чем благоприятными и для инвесторов, и для получателей инвестиций (Hill, Ainscough, Shank and Manullang, 2007). И именно концепция ESG была призвана устранить противоречия между теорией и практикой социально ответственного инвестирования (Halbritter and Dorfleitner, 2015).

Но в действительности переход к концепции ESG не решил ключевой методической проблемы – наличие корреляции, но отсутствие причинно-следственной связи между экологическими, социальными и управленческими аспектами ведения бизнеса и получаемыми этим бизнесом финансовыми и экономическими результатами. Рейтинги компаний по уровню SRI или ESG могут быть полезным индикатором для их финансово-инвестиционной оценки (Giese, Lee, Melas, Nagy and Nishikawa, 2019), но вряд ли им стоит придавать слишком большое внимание даже в условиях развитых экономик.

Для российских экономических реалий концепция ESG требует дополнительных мер по адаптации, поскольку в России до сих пор не сложился устойчивый паттерн поведения коллективного инвестора, но именно на коллективного инвестора ориентированы данные о социальной и экологической ответственности того или иного бизнеса (предприятия, организации, компании). И второй важный момент – в российской корпоративной среде до сих пор не сформировалось понимания важности социально и экологически ответственного подхода к управлению экономической деятельностью любых хозяйствующих субъектов, начиная от микро- и малых предприятий и заканчивая крупными корпоративными структурами.

Материалы и методы

Данная статья представляет собой интеграцию контентных и эмпирических методов исследования, информационной основой которых служат:

- во-первых, статистические данные и материалы, размещенные в открытом доступе на сайтах профильных ведомств (например, Министерства природных ресурсов и экологии, Министерства экономического развития, Министерства промышленности и торговли, Росстата), международных правительственных и неправительственных организаций (ООН, World Bank, Global Environment Facility);
- во-вторых, научно-исследовательские работы и публикации научных статей российских и зарубежных ученых в следующих междисциплинарных областях: социальная экономика, экологическая экономика, политическая и инновационная экономика.

Все собранные для этой статьи данные и материалы были структурированы по источникам и видам информации; сведения, которые приведены в научных статьях, а также в других публицистических материалах были выборочно подвергнуты проверке на достоверность приведенных в них фактов, объективность экспертных суждений. На основе контентного и эмпирического анализа были сформулированы подходы к использованию концепций SRI и ESG для формирования инвестиционной привлекательности промышленных предприятий, а также ключевые практические принципы указанных концепций.

Результаты

Согласно заключению Росгидромета, концентрация парниковых газов в атмосфере Земли неуклонно возрастает. По данным наблюдений за 2020 год в северных широтах (Териберка и Тикси) концентрация диоксида углерода в воздухе составила 415 миллионов долей

(международное обозначение долей – ppm), в Центральной России (Новый порт и Приокско-Террасный биосферный заповедник – ПТБЗ) этот показатель выше и составляет от 419 до 428 миллионов долей (среднегодовое значение). Концентрация метана в атмосфере северных широт составляет от 1980 до 1991 миллиардов долей (международное обозначение долей – ppb), а в Центральной России этот показатель на 60 миллиардов долей выше (Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год, 2021).

Таким образом, очевидно, что заявления о снижении антропо- и технологической нагрузки на окружающую среду в результате неполных эпидемических локдаунов в 2020 году, не имеют под собой объективных оснований. Но по данным многолетних наблюдений на станции, расположенной в Серпуховском районе Подмосковья (Приокско-Террасный биосферный заповедник – ПТБЗ), некоторое понижение концентрации парниковых газов, (диоксида углерода и метана) в приземном слое атмосферы все же имеет место (данные представлены на рис. 1).

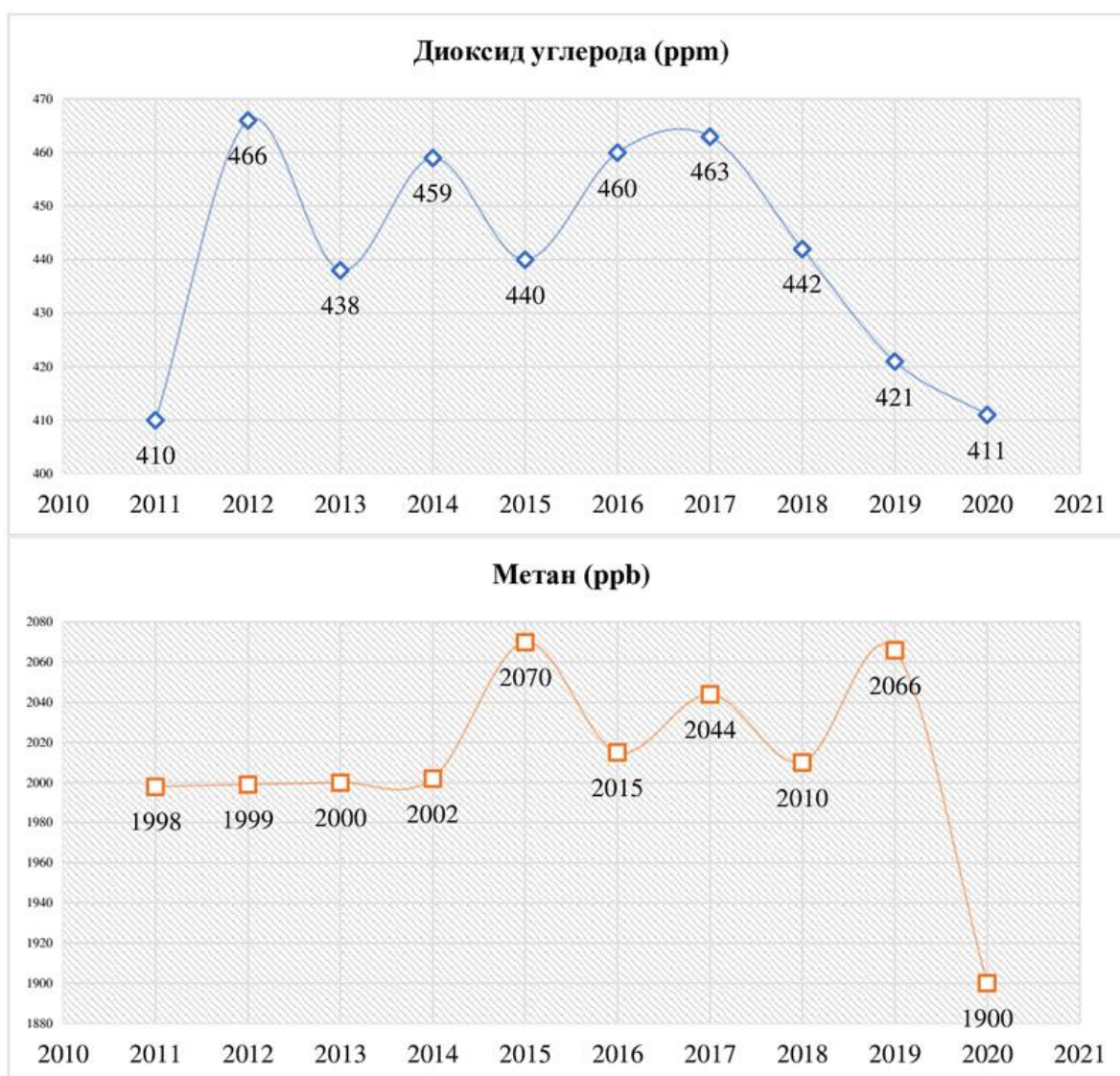

Рис. 1. / Fig. 1. Динамика концентрации парниковых газов по данным станции наблюдения, расположенной в Серпуховском районе Московской обл. (Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год, 2021) / Dynamics of greenhouse gas concentrations according to the data of the observation station located in the Serpukhov district of the Moscow region (Report on climate features in the territory of the Russian Federation for 2020, 2021)

Но с большой долей вероятности можно утверждать, что это произошло в результате того, что в Москве и Московской области действовали наиболее строгие антиковидные ограничения, существенно снизившие социальную и экономическую активность в этом регионе.

В свою очередь, по данным Global Environment Facility в мировой промышленности используется более 100 миллионов различных видов синтезированных химических соединений, основная часть которых – это стойкие органические загрязнители (Chemicals and Waste, 2021). Существующие международные соглашения в этой сфере требуют, чтобы стойкие органические загрязнители были либо утилизированы, либо необратимо преобразованы в другие вещества или соединения экологически безопасным способом (POPs destruction technologies, 2021). Однако российская практика утилизации промышленных отходов в большинстве случаев использует самый опасный для окружающей среды способ – захоронение. И, как правило, данные мировой статистики свидетельствуют о прямой взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития страны и используемыми методами обращения с различными, в том числе и промышленными отходами (рис. 2). Очевидно, что российская промышленность в достаточной степени удалена от экологически-ответственного хозяйствования.

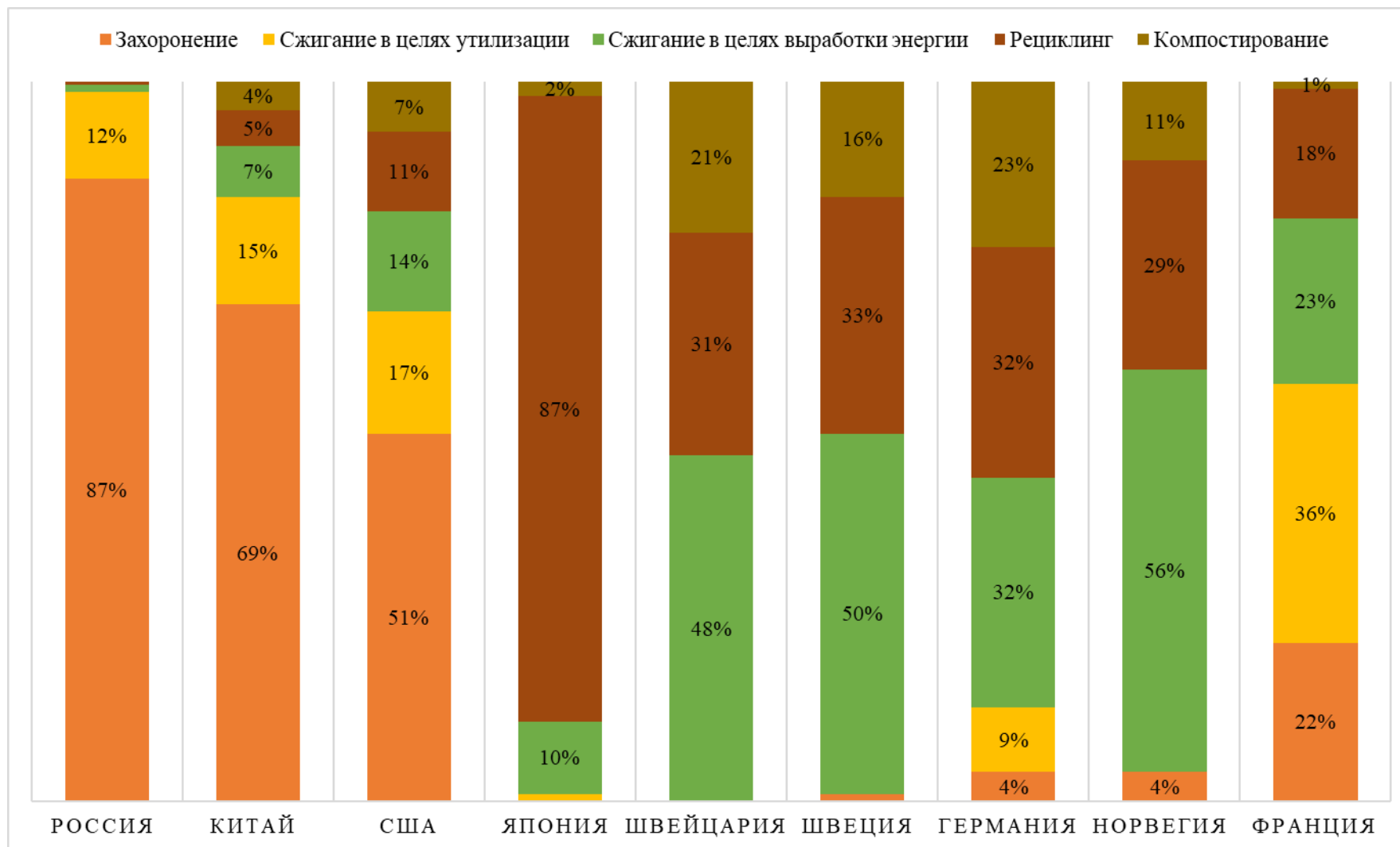

Рис. 2. / Fig. 2. Практика обращения с промышленными отходами в различных странах (по состоянию на 2019 год) (Гнетов, и Митина, 2020; Опасные отходы поддаются обнулению, 2020) / Industrial waste management practices in various countries (as of 2019) (Gnetov and Mitina, 2020; Hazardous waste can be reset, 2020)

Далее рассмотрим социальный аспект. Согласно данным Росстата, доля занятых в промышленной отрасли на начало прошлого года составила 26,8%, сократившись за последние 20 лет на 3%. При этом удельный вес работников промышленных предприятий, занятых на работах с вредными и/или опасными условиями труда, составляет 42,4% (рис. 3).

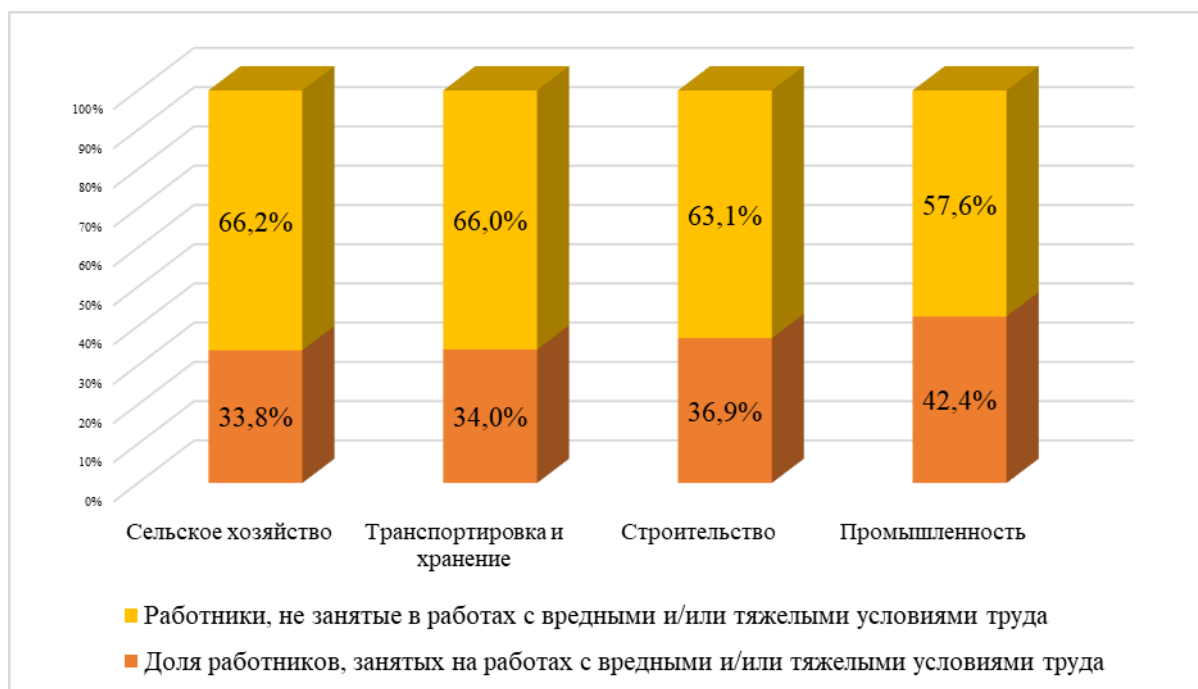

Рис. 3. / Fig. 3. Соотношение удельного веса работников, занятых и не занятых во вредных и/или тяжелых условиях труда в различных отраслях российской экономики (Официальная статистика, 2021) / The ratio of the proportion of workers employed and unoccupied in harmful and/or difficult working conditions in various sectors of the Russian economy (Official statistics, 2021)

Это намного выше, чем в среднем по строительной отрасли, сельскому хозяйству, транспортной отрасли. Но, кроме этого, в таких видах деятельности, как добыча угля и металлических руд, металлургия, производство химических веществ и химических продуктов, доля занятых во вредных и тяжелых работах, варьируется от 55-60% до 70-80%.

Если рассматривать уровень оплаты труда, то только в одной промышленной отрасли (добыча полезных ископаемых) этот показатель самый высокий в российской экономике (в среднем 62 тыс. рублей в месяц в 2017 году и 71 тыс. рублей в месяц в 2019 году).

В сфере обрабатывающих производств при сопоставимом уровне вредности и тяжести труда средняя заработная плата ниже, чем в сфере добычи на 31-35% (2017 и 2019 годы) (Официальная статистика, 2021). Коэффициент гендерного разрыва (отношение средней заработной платы мужчин к средней заработной плате женщин):

- а) в сфере добычи полезных ископаемых составляет 1,36 и 1,32 п.п. (2017 и 2019 гг.);
- б) в сфере обрабатывающих производств составляют 1,31 и 1,29 п.п. (2017 и 2019 гг.)

Это означает, что мужчины за сопоставимый объем работы и вредность/тяжесть труда получают от 30% до 36% больше вознаграждения за труд нежели женщины. В целом же Россия по гендерному равенству опережает Казахстан, но уступает Индии, Китаю и Бразилии – партнерам по коалиции БРИКС и существенно отстает от западноевропейских стран (рис. 4). Очевидно, что и по социальному аспекту российская промышленность все еще сохраняет патриархально-индустриальный тренд.

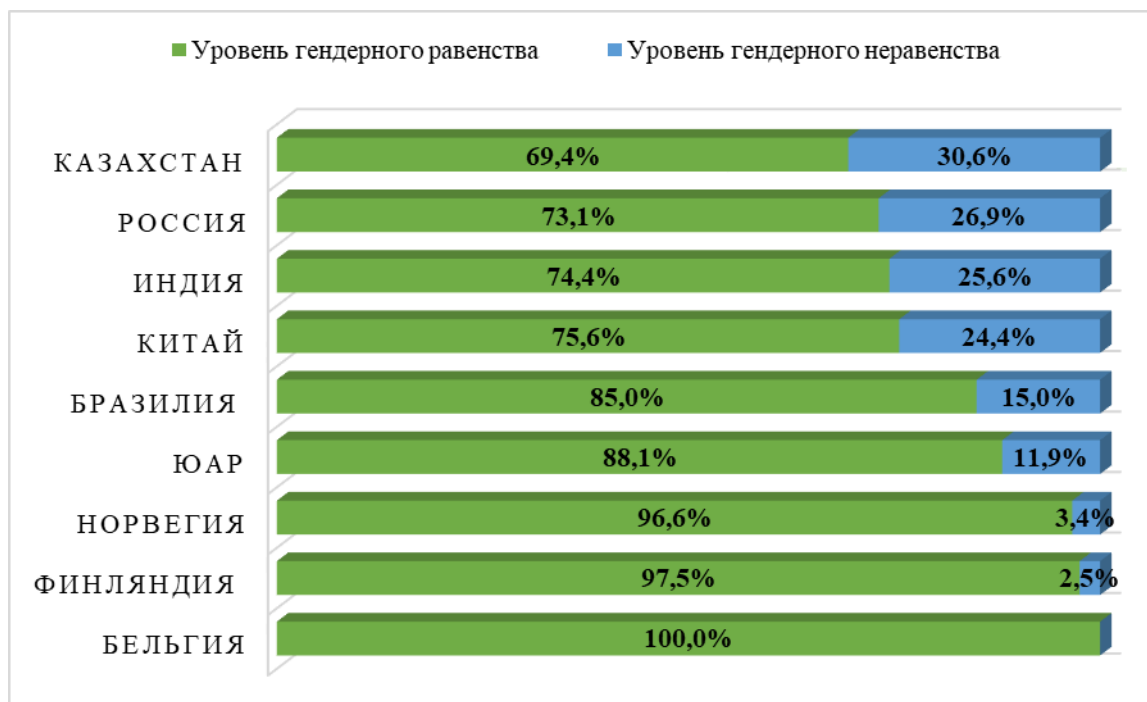

Рис. 4. / Fig. 4. Индекс гендерного равенства по некоторым странам (WBL Index), данные по состоянию на начало 2021 года (Women, business and law (WBL Index), 2021) / Gender Equality index for some countries (WBL Index), data as of the beginning of 2021 (Women, business and law (WBL Index), 2021)

Следующий аспект – управленческий и, как правило, управление принято характеризовать как эффективное с позиции финансовых результатов промышленного предприятия, однако к этому показателю стали добавлять и характеристику технологичности производства.

Сальдированный результат по промышленной отрасли в 2020 году, несмотря на эпидемию и снижение экономической активности был положительным. Но вместе с тем соотношение прибыльных и убыточных предприятий в добывающей и обрабатывающей промышленности изменился (рис. 5а и 5b).

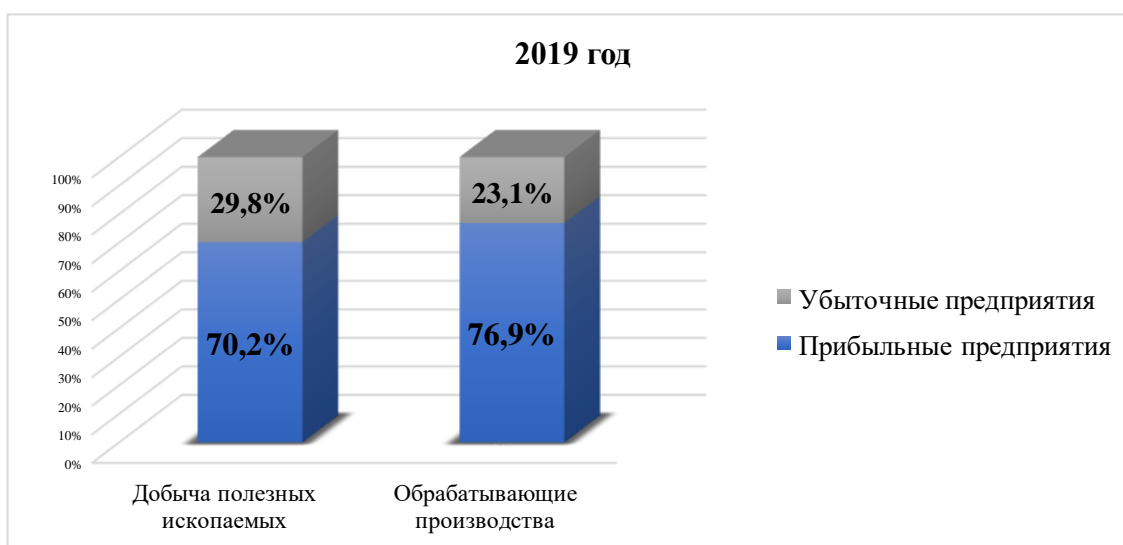

Рис. 5а. / Fig. 5а. Динамика финансовой устойчивости российских промышленных предприятий, 2019 год (Официальная статистика, 2021) / Dynamics of financial stability of Russian industrial enterprises, 2019 (Official statistics, 2021)

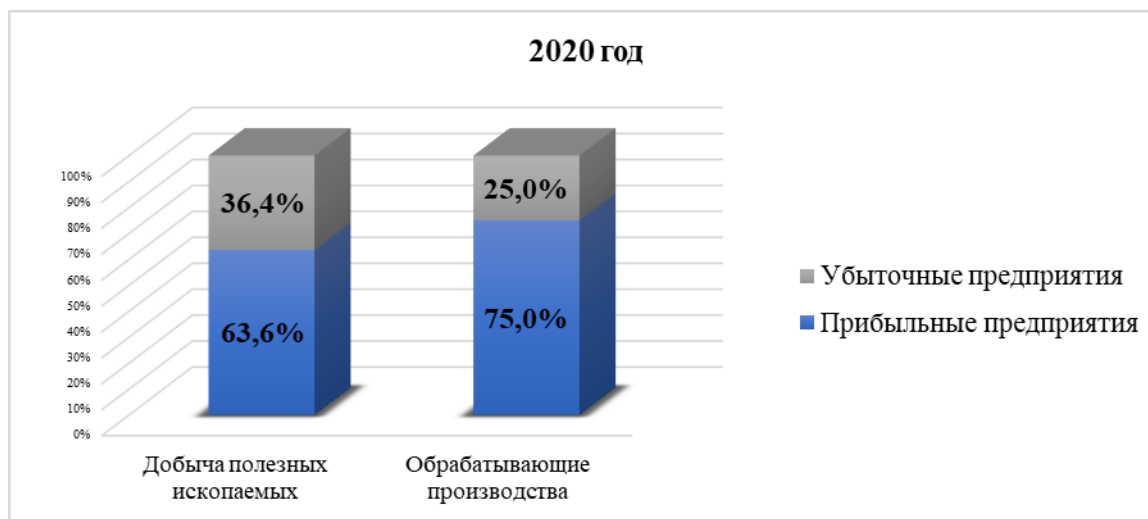

Рис. 5b. / Fig. 5b. Динамика финансовой устойчивости российских промышленных предприятий, 2020 год (Официальная статистика, 2021) / Dynamics of financial stability of Russian industrial enterprises, 2020 (Official statistics, 2021)

При этом очевидно, что обрабатывающая промышленность более устойчива к влиянию рыночных шоков, нежели добывающая промышленность. Это в том числе может быть связано с более высокой инновационной активностью в сфере обрабатывающих производств. Действительно, данные рисунка 6 показывают, что удельный вес промышленного сектора до 2018 года в создании инновации, технологическом трансферте составлял около 20%, а с 2018 года – почти 40% от всех предприятий и организаций реального сектора экономики.

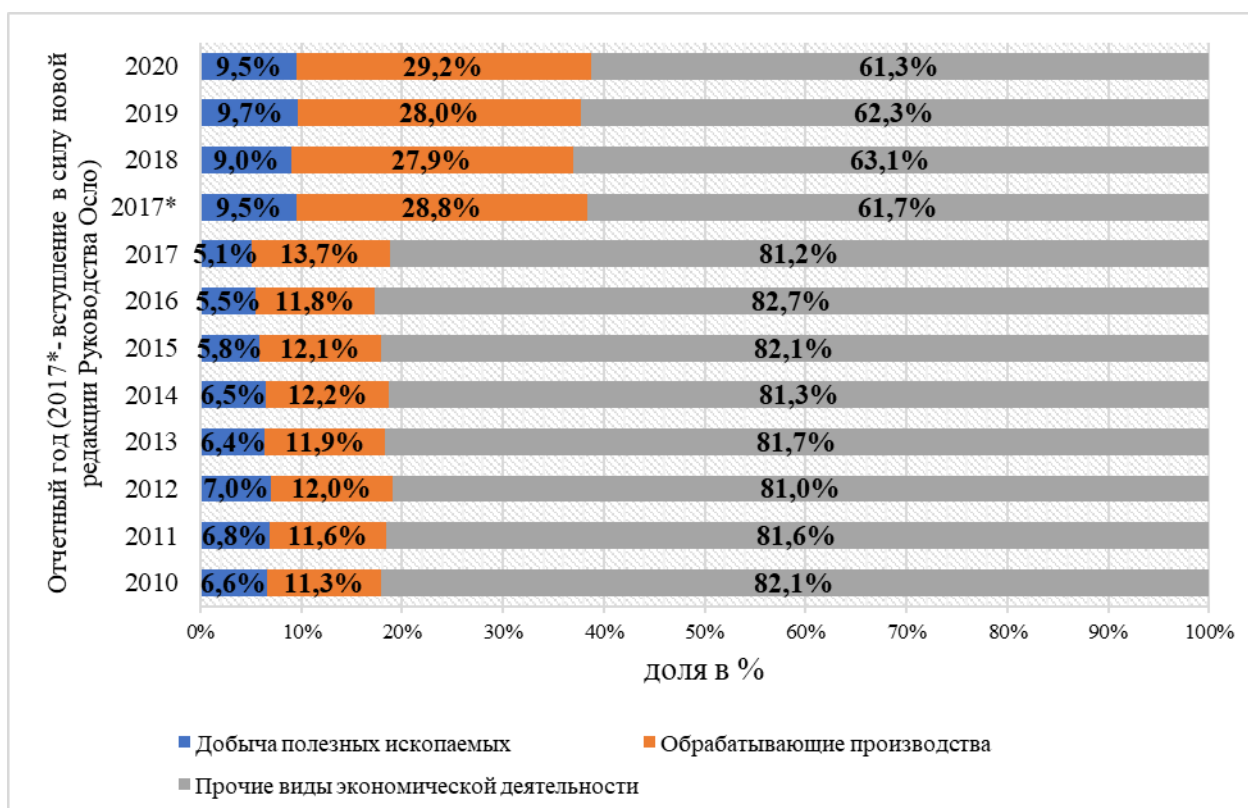

Рис. 6. / Fig. 6. Динамика инновационной активности предприятий в промышленном секторе российской экономики (Официальная статистика, 2021) / Dynamics of innovative activity of enterprises in the industrial sector of the Russian economy (Official statistics, 2021)

Но следует принять во внимание два момента:

- во-первых, с 2018 года действуют новые международные критерии относительно характеристик инновационной деятельности предприятий, организаций, компаний. Это позволило Росстату включить в расчеты и данные даже те хозяйствующие субъекты, которые внедряют единичные инновации, при этом не указывая их вид;

- во-вторых, следует обратить внимание на то, что удельный вес высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта промышленной продукции из России варьируется от 10% до 13% с незначительным приростом до 15-16% в 2015-2016 гг.

Данные рисунка 7 подтверждают гипотезу о том, что инновационная активность промышленных предприятий в российской экономике увеличилась за счет изменения методов статистического учета, т.е. нормативно, но не объективно.

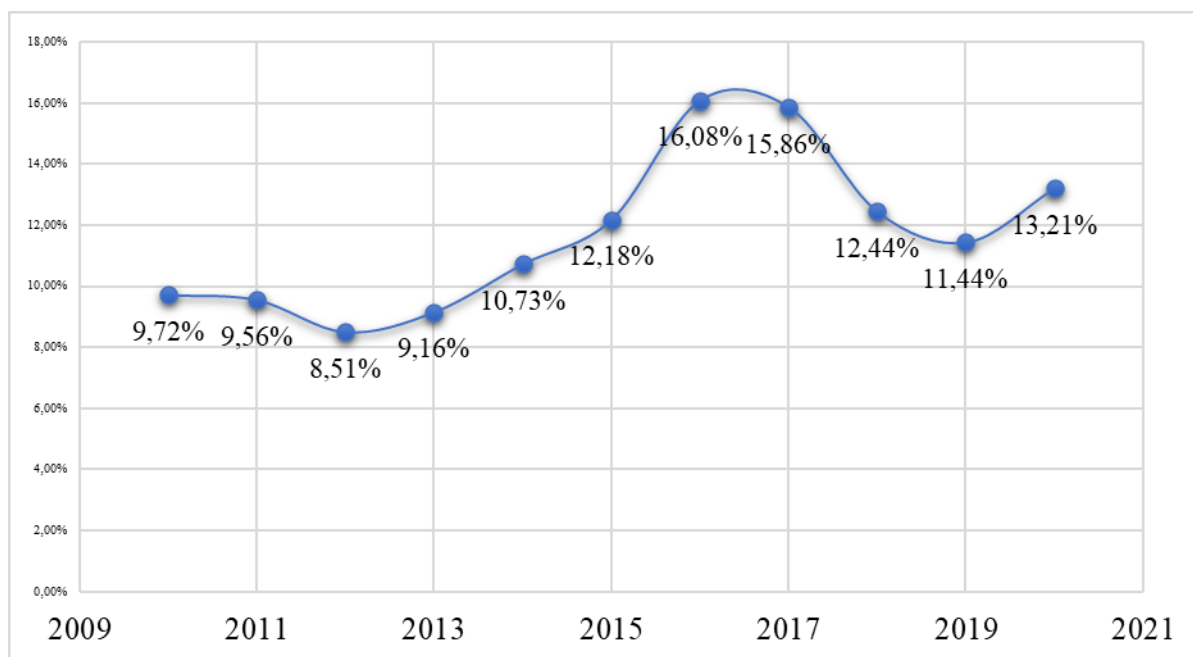

Рис. 7. / Fig. 7. Динамика доли высокотехнологичного экспорта из промышленного сектора российской экономики (на начало каждого года) (By Indicator, 2021) / Dynamics of the share of high-tech exports from the industrial sector of the Russian economy (at the beginning of each year) (By Indicator, 2021)

Если полученные данные об изменении доли высокотехнологичного промышленного экспорта включить в эконометрический прогноз, и, если инновационную активность в промышленном секторе считать объективной, то в этом случае в ближайшие пять лет можно ожидать прироста показателя до 18% от суммарного промышленного экспорта из России.

Если же инновационная активность российских промышленных предприятий нормативная, то доля высокотехнологичного экспорта не превысит 12-13% (рис. 8).

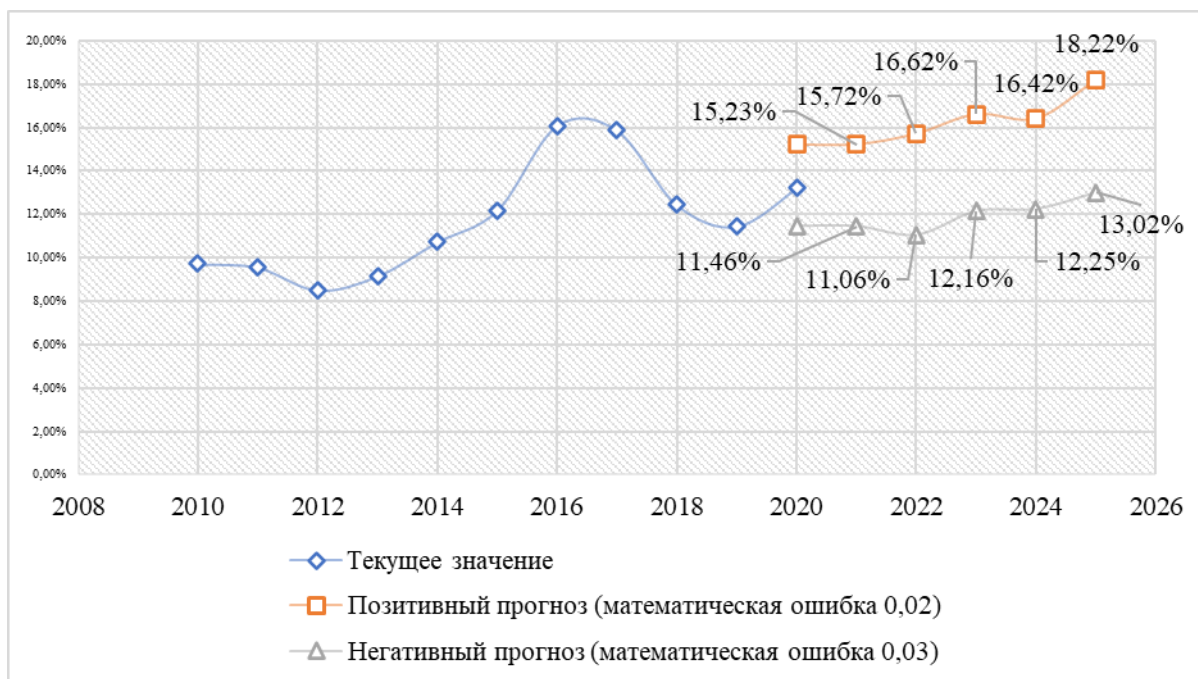

Рис. 8. / Fig. 8. Прогнозирование динамики доли высокотехнологичного экспорта из промышленного сектора российской экономики (на начало каждого года) / Forecasting the dynamics of the share of high-tech exports from the industrial sector of the Russian economy (at the beginning of each year)

В целом контентный подход подтверждается – по итогам 2020 года и на начало 2021 года высокотехнологичный экспорт из России сократился на 20% в стоимостном выражении и на 17% сократился его физический объем (Официальная статистика, 2021). При этом по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) мировой высокотехнологичный экспорт в 2020 году показал сокращение в стоимостном выражении не более чем на 1-1,5%, хотя общий стоимостный объем мировой торговли сократился почти на 10% (В торговле высокотехнологичными товарами во второй половине 2020 г. наблюдался активный рост, что послужило интересам новых азиатских экспортеров, 2021).

Еще один важный момент. Доля промышленных предприятий, осуществляющих экологические инновации, составляет не более 2% от совокупности обследованных Росстатом субъектов хозяйствования. Если рассматривать структуру экологических инноваций, которые осуществлялись промышленными предприятиями, то приоритет отдан снижению загрязнения окружающей среды, рециклингу, сокращению объемов энергопотребления.

Таким образом, на основании большого массива статистических данных, полученных из различных открытых источников и проверенных с использованием экономико-математических моделей, можно заключить, что российские промышленные предприятия с точки зрения концепций ESG и SRI не могут быть признаны инвестиционно-привлекательными. Вместе с тем на уровне отдельно взятых хозяйствующих субъектов реализация выше указанных концепций в практике управления может способствовать повышению их инвестиционной привлекательности, а также обеспечивать потенциал или резервы финансовой устойчивости. Об этом более подробно будет сказано далее.

Обсуждение

В первой трети прошлого века, когда США погрузились в глубокую экономическую депрессию, Джон Мейнард Кейнс сказал, что нельзя одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность (Keynes, 2018). Необходимо нахождение баланса и это сфера ответственности государственной макроэкономической политики, которая и должна решить какая из указанных переменных является приоритетной, а какая может быть отнесена на второй план управленческих задач, связанных с обеспечением экономического роста и роста

благополучия населения. Если перенести данное высказывание Кейнса на микроэкономический уровень, то можно следующим образом интерпретировать переменные, обеспечивающие динамически устойчивое развитие промышленных предприятий: свободная конкуренция, стимулирующие институты, рациональное и одновременно просоциальное управление ресурсами. Представляется, что именно такая платформа, определяющая успешность бизнес-модели промышленного предприятия, будет способствовать переходу на ESG и SRI концепции в формировании инвестиционной привлекательности этих субъектов хозяйствования. Вместе с тем следует понимать, что для российской экономики в целом и для промышленного сектора в частности три указанные переменные не играют решающей роли.

Поэтому предлагается рассмотреть переменные успешности бизнес-моделей промышленных предприятий и одновременно факторов их инвестиционной привлекательности более подробно.

Начать следует с институтов, поскольку именно они устанавливают «правила игры» для всех экономических акторов. Общеизвестно, что в России действуют экстрактивные политические институты, которые не являются стимулирующими для сбалансированного роста и динамически устойчивого развития на микроэкономическом уровне, но вместе с тем обеспечивают макроэкономическую стабильность. Следует понимать, что стабильность – это понятие не тождественное устойчивости, предельная стабильность любой системы означает её неспособность к изменениям, а неспособность к изменениям ведёт к потере адаптации к постоянным трансформациям условий среды. Таким образом, стимулы к динамически устойчивому развитию у промышленных предприятий отсутствуют, а, следовательно, утрачивается мотивация к повышению их инвестиционной привлекательности на основе продвинутых концепций, например, тех, которые были упомянуты выше (ESG, SRI).

Соответственно, управленческая задача сводится не к нахождению решений по рациональному и одновременно просоциальному использованию ресурсов, что будет в том числе обеспечивать переход от простого, наблюдаемого нами в настоящее время, к расширенному воспроизводству.

Напротив, в условиях отсутствия стимулирующих экономических институтов управленческая задача сводится, как уже было сказано ранее, к обеспечению простого воспроизводства, что в современных терминах означает переход от управления развитием к управлению функционированием. Поэтому мы видим преобладание инвестиций не в технологии и интеллектуальные активы, но в поддержание основных фондов, половина из которых, как правило, является устаревшей, изношенной морально или физически.

Кроме этого, мы можем наблюдать, что нормативно-правовые акты, регламентирующие и регулирующие экономическую деятельность, могут иметь обратную силу. В частности, металлургические предприятия могут получить обязательства по возврату государству части своей прибыли за прошлые годы, поскольку за счёт роста цен эти предприятия получили больше прибыли, чем ожидалось и чем планировалось в программах государственных капитальных вложений (Белоусов заявил, что металлурги должны вернуть бюджету 100 млрд рублей, 2021). В дальнейшем фискальное регулирование металлургической промышленности будет усилено за счёт введения новых налогов и акцизов (Минфин описал схему повышения налогов для металлургов. В число вариантов дополнительного налогообложения включили совершенно новый акциз на сталь, 2021). Быстрое и непредсказуемое реформирование правовых институтов в отношении конкретной группы экономических акторов безусловно не будет способствовать формированию у этих акторов (в том числе у собственников и бенефициаров) заинтересованности в социально и экологически ответственных инвестициях.

Вторая переменная является производной от первой и заключается в том, что свободная конкуренция в институционально предсказуемых и понятных условиях является, вероятно, одним из самых сильных факторов влияния на принимаемые управленческие решения в области обеспечения динамически устойчивого развития промышленных предприятий, успешности их бизнес-моделей, инвестиционной привлекательности. Согласно различным оценкам, доля государства в российской экономике составляет не менее 50-60%, а с учётом косвенного участия – около 65-70% (Госкапитализм в России вышел на новый уровень. Государство передает ресурсы само себе, констатирует ФАС, 2021). Мировая экономическая

наука сходится в том, что государство должно присутствовать в национальной экономике, но если доля государства превышает 20%, то конкуренция уже не является свободной, а степень рыночной концентрации возрастает экспоненциально в зависимости от того, какая отрасль или какой вид экономической деятельности является рентоформирующим.

Вполне понятно, что для российской промышленности отраслями с высокой концентрацией государства и его капитала будут: добывающие отрасли, чёрная и цветная металлургия, генерирующие отрасли, военно-промышленный комплекс, включая авиакосмическую промышленность.

Следует учесть также интересы государства в сфере строительства, транспорта и логистики. Очевидно, что в этих отраслях свободная конкуренция либо не является возможной, либо ограниченно применима для ведения экономической деятельности.

Таким образом, в отраслях и сферах промышленности как с высокой концентрацией государственного, так и с высокой концентрацией частного капитала свободная конкуренция между предприятиями становится невозможной. Тогда часть предприятий функционируют при непосредственной и постоянной поддержке государства и ведущих финансово-промышленных корпораций, а другая часть предприятий стремится создавать новые рыночные сегменты, которые в силу своей малой значимости не интересны государственным или частным корпорациям. Существует также и ещё одна часть предприятий, которых устраивает текущий статус-кво, обеспечивающий им и их собственникам требуемый уровень экономических и прочих выгод.

В такой конкурентной ситуации первая группа, а также третья группа предприятий не заинтересована в повышении своей инвестиционной привлекательности на основе концепции ESG или SRI, на этих предприятиях не осуществляются социально или экологически ответственные инвестиции, поскольку этим предприятиям не нужно конкурировать за ресурсы и/или новых потребителей.

Вторая группа предприятий, напротив, заинтересована в повышении своей инвестиционной привлекательности, но по ряду объективных и субъективных причин не может это сделать, поскольку свободный доступ к ресурсам и потребителям отсутствует, т.е. у предприятий высоки трансакционные издержки для преодоления административных барьеров и одновременно ограничены возможности выхода на инвесторов, готовых принять во внимание, в первую очередь, показатели социальной и экологической ответственности.

Для традиционных форм и источников привлечения инвестиций важны прежде всего финансово-экономические показатели, характеризующие динамически устойчивое развитие и успешность бизнес-модели этих субъектов хозяйствования.

Третий компонент – это рационально выстроенное и одновременно просоциальное управление ресурсами, что в том числе обеспечивает доходность, прибыльность, устойчивость развития и инвестиционную привлекательность промышленных предприятий. В условиях институциональной турбулентности и ограничения конкуренции рациональное управление ресурсами имеет свою специфику. Эта специфика заключается в том, что ракурс рациональности смещается с приоритета развития на приоритет функционирования, иными словами, простое воспроизводство доминирует над расширенным, даже в тех рыночных сегментах, в которых государство, его корпорации или крупнейшие корпоративные структуры не проявляют своих интересов.

Таким образом, стагнация, наблюдаемая в настоящее время в российской экономике, не позволяет изменить на микроэкономическом уровне подходы к управлению развитием промышленных предприятий с традиционалистских на прогрессивные, поскольку на макроэкономическом уровне не сложилось стимулирующей развитие и одновременно свободно конкурентной институциональной среды. Поэтому по-прежнему инвестиционно привлекательными считаются те промышленные предприятия, которые либо входят в государственные или крупные частные корпорации, либо демонстрируют высокую доходность и прибыльность, но во внимание при этом не принимается проблема социальной и экологической ответственности участников инвестиционного процесса (т.е. и продуцентов, и реципиентов инвестиций).

Однако концепция ESG может быть инструментом повышения инвестиционной привлекательности, например, в условиях привлечения инвестиций от частных инвесторов, малых коллективных инвесторов или от фандрайзинговых платформ. Но абсолютно понятно, что объёмы инвестиционных ресурсов, которые сконцентрированы у перечисленных продуцентов инвестиций, существенно уступают по своему объёму традиционным источникам. Поэтому в настоящее время повышение инвестиционной привлекательности на основе концепции ESG в большей степени доступно малым и средним, нежели крупным промышленным предприятиям, которые сохраняют независимость от государства и имеют относительно высокую финансовую автономию. Эти ограничения следует рассматривать как мощный стимул развития малого и среднего инновационно активного, социально и экологически ответственного предпринимательства в российской промышленности.

Но важно определить основные принципы социально и экологически ответственного инвестирования как для инвесторов, так и для получателей инвестиций. Эти принципы представлены в таблице 1.

Таблица 1/ Table 1

Принципы социально и экологически ответственного инвестирования в промышленности (разработано автором) / Principles of socially and environmentally responsible investment in industry (developed by the author)

Принципы инвестирования	Инвесторы	Получатели инвестиций
Экологическая безопасность	Среди некоторого множества потенциальных получателей инвестиций следует выбирать те предприятия, которые смогут продемонстрировать за счет каких решений и технологий будет обеспечена экологическая безопасность того или иного проекта, на который привлекаются ресурсы	При разработке инвестиционных проектов следует принимать во внимание, что экологическая безопасность обеспечивается двумя путями: через производственные технологии и через изменение потребительских свойств конечной продукции. Приоритет следует отдать тем проектам, в которых сочетаются оба этих решения
Просоциальность	В приоритете должны быть те проекты, которые содержат в своей описательной документации специальный раздел об оценённых социальных эффектах и планируемых социальных результатах, которые могут быть получены в результате реализации проекта	Просоциальность любого проекта имеет следующие основные критерии: 1) вложение в рамках проекта или после его завершения средств в развитие местных сообществ (инфраструктура, доступность товаров и услуг, организация досуга и т.п.); 2) использование части средств для образовательной, просветительской или благотворительной деятельности
Управленческая эффективность	При прочих равных условиях приоритет следует отдавать тем проектам, которые предполагают меньший уровень различных рисков, более высокую социальную и экологическую ответственность, а также долгосрочные положительные экономические эффекты	Управленческая эффективность может быть оценена через: 1) качество управления рисками проекта; 2) наличие условий для экономического масштабирования проекта; 3) соотношение получаемых финансовых результатов с социальными и экологическими результатами.

На основе предложенного подхода могут быть разработаны различные количественные и/или качественные показатели, которые будут одновременно характеризовать любое инвестиционное решение, проект или программу развития промышленного предприятия в трёх измерениях: с точки зрения экологической, социальной и экономической эффективности.

Выводы

В рамках данной статьи были изложены ключевые тезисы относительно специфики и перспектив развития российского промышленного сектора.

Полученные и проанализированные статистические данные свидетельствуют о том, что российские промышленные предприятия не готовы к переходу на концепции социально и экологически ответственного инвестирования по следующим основным причинам:

- 1) институциональная турбулентность;
- 2) сокращение рыночного пространства свободной конкуренции;
- 3) низкая рациональность и просоциальность в принятии решений.

В статье показано, что в ближайшей перспективе российские промышленные предприятия, которые входят либо в государственные, либо в крупные частные корпорации не смогут обеспечить рост своей инвестиционной привлекательности на основе концепций ESG или SRI (социально и экологически ответственное инвестирование), поскольку придерживаются инерционного тренда в развитии (экстенсивность, простое воспроизводство, использование административного ресурса).

Напротив, промышленные предприятия, относимые к сегменту малого и среднего, в том числе высокотехнологичного предпринимательства, могут воспользоваться преимуществами концепций ESG или SRI для повышения собственной инвестиционной привлекательности не традиционных, но в прогрессивных и наиболее современных формах привлечения инвестиций (частные инвесторы – бизнес-ангелы, малые коллективные фонды инвестиций, платформы фандрайзинга).

Очевидно, что использование концепций ESG или SRI (социально и экологически ответственное инвестирование) может дать дополнительный стимул развития для малых и средних промышленных предприятий уже в краткосрочной перспективе.

Литература/ References

1. “Белоусов заявил, что металлурги должны вернуть бюджету 100 млрд. рублей”, (31.05.2021), *TASS*, доступно по адресу: <https://tass.ru/ekonomika/11513979> (Дата обращения 18.09.2021). [“Belousov said that metallurgists must return 100 billion rubles to the budget”, (31.05.2021), *TASS*, available at: <https://tass.ru/ekonomika/11513979> (Accessed 18.09.2021)].

2. “В торговле высокотехнологичными товарами во второй половине 2020 г. наблюдался активный рост, что послужило интересам новых азиатских экспортеров”, (15.03.2021), *WIPO*, доступно по адресу: https://www.wipo.int/pressroom/ru/news/2021/news_0001.html (Дата обращения 18.09.2021). [“High-tech trade experienced strong growth in the second half of 2020, which served the interests of new Asian exporters”. (15.03.2021), *WIPO*, available at: https://www.wipo.int/pressroom/ru/news/2021/news_0001.html (Accessed 18.09.2021)].

3. Гнетов, Е.М. и Митина, Н.Н. (18.03.2020), “Утилизация промышленных отходов в России и в мире: проблемы и решения”, *NEFTEGAZ.RU*, доступно по адресу: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/ekologiya/536780-utilizatsiya-promyshlennykh-otkhodov-v-rossii-i-v-mire-problemy-i-resheniya/> (Дата обращения 17.09.2021). [Gnetov, E.M. and Mitina, N.N. (18.03.2020), “Utilization of industrial waste in Russia and in the world: problems and solutions”, *NEFTEGAZ.RU*, available at: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/ekologiya/536780-utilizatsiya-promyshlennykh-otkhodov-v-rossii-i-v-mire-problemy-i-resheniya/> (Accessed 17.09.2021)].

4. “Госкапитализм в России вышел на новый уровень. Государство передает ресурсы само себе, констатирует ФАС”, (30.04.2021), *Ведомости*, доступно по адресу: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/30/800603-goskapitalizm-v-rossii-vishel-na-novii-uroven> (Дата обращения 22.09.2021). [“State capitalism in Russia has reached a new level. The state transfers resources to itself, states the FAS”, (30.04.2021), *Vedomosti*, available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/30/800603-goskapitalizm-v-rossii-vishel-na-novii-uroven> (Accessed 22.09.2021)].

5. *Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год*, (2021), Росгидромет, М., 104 с. [*Report on the features of the climate in the territory of the Russian Federation for 2020*, (2021), Roshydromet, M., 104 p.].

6. “Минфин описал схему повышения налогов для металлургов. В число вариантов дополнительного налогообложения включили совершенно новый акциз на сталь”, (21.09. 2021), *РБК*, доступно по адресу: <https://www.rbc.ru/business/21/09/2021/6149ad339a7947efd7a9f128> (Дата обращения 22.09.2021). [“The Ministry of Finance described a scheme for raising taxes for metallurgists. The additional taxation options included a completely new excise tax on steel”, (21.09.2021), *RBC*, available at: <https://www.rbc.ru/business/21/09/2021/6149ad339a7947efd7a9f128> (Accessed 22.09.2021)].

7. “Опасные отходы поддаются обнулению”, (23.11.2020), *Ведомости*, доступно по адресу: https://www.vedomosti.ru/forum/industrial_ecology/article/2020/11/22/847841-othodi-poddayutsya-obnuleniyu (Дата обращения 17.09.2021). [“Hazardous waste can be zeroed”, (23.11.2020), *Vedomosti*, available at: https://www.vedomosti.ru/forum/industrial_ecology/article/2020/11/22/847841-othodi-poddayutsya-obnuleniyu (Accessed 17.09.2021)].

8. “Официальная статистика”, (2021), *Росстат*, доступно по адресу: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (Дата обращения 17.09.2021). [“Official statistics”, (2021), *Rosstat*, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (Accessed 17.09.2021)].

9 “Решетников Максим: Минэкономразвития будет привлекать инвестиции в экологию и здоровье граждан в рамках ESG”, (17.03.2021), *Министерство экономического развития Российской Федерации*, доступно по адресу: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_minekonomrazvitiya_budet_privlekat_investicii_v_ekologii_yu_i_zdorove_grazhdan_v_ramkah_esg.html (Дата обращения 17.09.2021) [“Reshetnikov Maxim: The Ministry of Economic Development will attract investments in the environment and health of citizens within the framework of the ESG”, (17.03.2021), *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*, available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_minekonomrazvitiya_budet_privlekat_investicii_v_ekologii_yu_i_zdorove_grazhdan_v_ramkah_esg.html (Accessed 17.09.2021)].

10. “By Indicator”, (2021), *The World Bank*, available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (Accessed 17.09.2021).

11. “Chemicals and Waste”, (2021), *Global Environment Facility*, available at: <https://www.thegef.org/topics/chemicals-and-waste> (Accessed 17.09.2021).

12. Fitch, H.G. (1976), “Achieving corporate social responsibility”, *Academy of management review*, 1(1), pp. 38-46.

13. Freeman, R.E. and Liedtka, J. (1991), “Corporate social responsibility. A critical approach”, *Business horizons*, vol. 34 (4), pp. 92-98.

14. Giese, G., Lee, L.E., Melas, D., Nagy, Z. and Nishikawa, L. (2019), “Foundations of ESG investing: How ESG affects equity valuation, risk, and performance”, *The Journal of Portfolio Management*, vol. 45 (5), pp. 69-83.

15. Halbritter, G. and Dorfleitner, G. (2015), “The wages of social responsibility – where are they? A critical review of ESG investing”, *Review of Financial Economics*, vol. 26, pp. 25-35.

16. Hill, R.P., Ainscough, T., Shank, T. and Manullang, D. (2007), “Corporate social responsibility and socially responsible investing: A global perspective”, *Journal of business ethics*, vol. 70 (2), pp.165-174.

17. Keynes, J.M. (2018), *The general theory of employment, interest, and money*, Springer.

18. McGuire, J.B., Sundgren, A. and Schneeweis, T. (1988), “Corporate social responsibility and firm financial performance”, *Academy of management Journal*, vol. 31(4), pp. 854-872.

19. Mintzberg, H. (1983), “The case for corporate social responsibility”, *Journal of Business Strategy*, no. 4, pp. 3-15.

20. “POPs destruction technologies”, (2021), *United Nation*, available at: <https://www.unep.org/explore-topics/chemicals-waste/what-we-do/persistent-organic-pollutants/pops-destruction> (Accessed 17.09.2021).

21. Ravikoff, R.B. and Curzan, M.P. (1980), “Social responsibility in investment policy and the prudent man rule”, *California Law Review*, vol. 68, pp. 518.

22. “Women, business and law (WBL Index)”, (2021), *The World Bank*, available at: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (Accessed 17.09.2021).

Об авторе

Назаров Андрей Геннадьевич, кандидат политических наук, докторант, Институт проблем рынка РАН, Москва

About author

Andrey G. Nazarov, Candidate of Sci. (polyt.), Doctoral student, Market Economy Institute of RAS, Moscow.